

Дверь со скрипом открылась. Цзи Цаншэн, слегка встряхнув свою бледно-лунную верхнюю одежду, предстал в простом, но изысканном наряде, словно отрешенный от мирской суеты.

Он не мог вспомнить, как давно носил одежду таких светлых оттенков. Теперь он... всё ещё был тем самым уважаемым Бессмертным владыкой Тяньюань.

Обычный культиватор, достигший просветления и совершающий добрые дела, мог быть назван бессмертным господином. Место, где находился такой господин, считалось миром бессмертных.

Весь Высший мир бессмертных держался на Четырёх великих бессмертных сектах и двадцати восьми звёздных бессмертных.

А в самом центре Высшего мира, независимая и беспристрастная секта, способная вершить справедливость, — Врата Тяньюань, находящиеся в самом сердце мира бессмертных, но изолированные от него.

Врата Тяньюань занимали особое место. Они не относились к четырём стихиям, но были их сутью и сердцем. В каждой из Четырёх великих сект было по семь бессмертных, а во Вратах Тяньюань — двадцать два бессмертных, поддерживающих гармонию в Высшем мире.

А над этими двадцатью двумя бессмертными стоял владыка Врат Тяньюань, он же владыка всего Высшего мира — Бессмертный владыка Тяньюань. Это звание, дарованное ему миром и всем сущим, символизировало высочайшее уважение.

Наследование титула Бессмертного владыки Тяньюань было особым. Наследник должен был обладать мудростью мудреца, быть непоколебимым; милосердием добродетельного, иметь в сердце весь мир; смелостью воина, не бояться жизни и смерти; и простотой глупца, быть свободным от всех привязанностей. Он должен был уметь нести на себе бремя мира и при этом отпускать себя.

Нести на себе бремя мира и отпускать себя.

Эти последние слова звучали как шутка, но были самым трудным для достижения. Заботиться о других, не заботясь о себе, любить других, жертвуя своей любовью, — это великая любовь. Понять это одно, а воплотить в жизнь — совсем другое.

Все предыдущие Бессмертные владыки Тяньюань становились наследниками только тогда, когда полностью соответствовали этим заповедям. Поэтому иногда трон Бессмертного владыки мог оставаться вакантным.

Но...

Как бы то ни было, это был пост, требовавший полного просветления и отказа от мирских привязанностей. Как же... как же его унаследовал мальчишка?!

— Я старею.

Сказав это, предыдущий Бессмертный владыка Тяньюань исчез, не оставив после себя никаких следов, а на его место выдвинули мальчика, который даже не начал взростеть.

Если бы этот мальчик был временным наследником, это ещё можно было понять. В истории бывали случаи, когда трон занимали временные правители, ведь наследование титула

Бессмертного владыки Тяньюань не могло быть простым.

Но этот ребёнок, которому было всего одиннадцать лет, уже полностью унаследовал всё, что касалось Бессмертного владыки Тяньюань, и стал настоящим владыкой!

Неужели наследование может быть слепым?

— Учитель! — Чжэуа поспешил за ним, держа в руках веточки османтуса. Цветы, несмотря на тряску, почти не осыпались, и их нежный аромат, хотя и не такой яркий, как в полном цвету, успокаивал душу.

Боясь, что все цветы для ароматизации учителя осыпятся, Чжэуа в мгновение ока потерял из виду своего маленького наставника.

Что же делать... Старший брат ждёт!

Цзи Цаншэн за несколько вдохов оторвался от своего ученика по имени Чжэуа, совершил несколько кругов циркуляции ци и оказался на другой стороне Горы Бессмертного Сна.

Там находился плетёный бамбуковый вольер размером в один чжан, сделанный из молодого весеннего бамбука, сглаженного и отполированного. Внутри вольера было несколько платформ, покрытых мягким шёлком, а по краям висели стеклянные колокольчики. На дне вольера стояли две искусно вырезанные нефритовые чаши — одна размером с ладонь, другая — с лицо.

Это был...

— Хуаньхуань! — Цзи Цаншэн позвал ещё до того, как подошёл ближе. В его голосе звучала нежность, которой невозможно было противостоять.

— Дзынь! — Хуаньхуань в ответ протянулся, и бронзовый колокольчик на его шее издал приятный звон.

— Мяу-у! — На одной из платформ в вольере что-то большое заставило бамбуковую подставку скрипеть.

Из шёлкового клубка, шурша, вылез огромный кот с тигровым окрасом.

Кот был покрыт оранжево-чёрными полосами, его глаза — один голубой, другой зелёный — сузились на солнце. Он слегка недовольно зевнул, глядя на Цзи Цаншэна, а в животе у него заурчало.

Цзи Цаншэн открыл дверцу вольера и вошёл внутрь. Он не стал снимать кота с платформы, а, стоя на ней, начал гладить его от макушки до подбородка. Его короткие ногти, похожие на тонкие полумесяцы, явно доставляли коту удовольствие, и тот, не обращая внимания на то, что хозяин в последнее время не давал ему наесться досыта, вскоре перевернулся на спину, выставив круглый животик.

Цзи Цаншэн осторожно положил руку на мягкий живот, но в его глазах промелькнула тень печали.

Кот был уже старым. Он сопровождал Цзи Цаншэна с тех пор, как тот был ещё ребёнком, и прошло уже тринадцать лет.

Его шерсть потеряла блеск, большую часть времени он проводил в задумчивости, иногда ведя себя как наивный котёнок, который, устав гоняться за бабочками, засыпал на траве.

Он всё реже оставался в сознании, и вскоре, возможно, чувствуя приближение смерти, тихо уйдёт, никому не сказав, как это было в его молодости, когда он уходил умирать в одиночестве.

Цзи Цаншэн не верил, что он умрёт. Он просто отправится туда, где много его собратьев, и, увлечшись играми, забудет вернуться.

Кот, который до этого валялся под его рукой, вдруг замер. Он посмотрел на Цзи Цаншэна и осторожно убрал когти, обхватив его руку лапами. Его подушечки были мягкими, как очищенные дольки чеснока, и он нежно положил их на тыльную сторону руки Цзи Цаншэна, оставляя лёгкую влагу.

Цзи Цаншэн замер. Он знал, что кот сейчас в сознании, и тот тоже понимал его настроение, поэтому, повернув пушистую голову, с трудом потёрся его пальцами.

— Не уходи, хорошо? — сказал Цзи Цаншэн.

Кот не понимал его.

Он немного пришёл в себя, а затем снова начал ласкаться, осторожно покусывая ногти Цзи Цаншэна. Это означало, что он голоден.

Цзи Цаншэн уже боялся давать ему слишком много еды. Кот больше не понимал, когда был сыт, и ел до тех пор, пока его не начинало тошнить, а затем, вырвав, забывал об этом и начинал протестовать против того, что ему не дают еды.

Он стал старым, превратившись в подобие ребёнка.

— Учитель... — Чжэуа, подойдя, был весь в поту, и от него пахло османтусом. Он был не первым и не последним учеником, и, не обладая особыми талантами, даже путь от горы изматывал его.

Цзи Цаншэн уложил уставшего Хуаньхуаня обратно в его уголок. Вольер был незаперт, и, повернувшись, он достал из рукава платок с вышитой сливой и протянул его Чжэуа, чтобы тот вытер пот.

— Он ушёл?

— Ещё нет... — Чжэуа был поражён такой заботой и поспешно отступил на несколько шагов.
— Учитель, не нужно, я испачкаю ваш...

Чжэуа замолчал, застыв на месте, пока его маленький и низкорослый наставник... вытирал ему пот.

Он не смел пошевелиться, боясь, что, оскорбив учителя, разозлит его и будет изгнан из секты. Он был самым неспособным учеником Бессмертного владыки Тяньюань, не имея таланта к культивации, он мог только выполнять мелкие поручения. Учитель был вспыльчивым, и даже ближайшие слуги боялись подходить к нему, опасаясь, что владыка, не справившись с силой, может в любой момент отправить их на тот свет.

На самом деле это нельзя было ставить в вину Цзи Цаншэну. Он унаследовал трон слишком

рано, а наследование заключалось не только в получении титула, но и в принятии силы, накопленной поколениями Бессмертных владык Тяньюань. Цзи Цаншэн за одну ночь перешёл от начального этапа закалки ци к позднему этапу Великого восхождения, не имея возможности совершенствоваться или вознестись, и всю свою жизнь он должен был посвятить поддержанию мира.

Если бы обычный Бессмертный владыка Тяньюань унаследовал трон, он бы, по крайней мере, находился на позднем этапе практики пустоты, и переход был бы не таким резким. Цзи Цаншэн, унаследовав трон, не был сломлен характером, но почти погиб от внезапно обрушившейся на него силы, и теперь, в двадцать лет, его тело развивалось лишь на уровне пятнадцатилетнего.

Цзи Цаншэн убрал платок, лёгким движением руки сказав:

— Веди.

— Да!

Глядя на спину Чжэуа, он снова почувствовал лёгкую грусть. В недалёком будущем, под тяжестью обвинений, возложенных на секту, самым преданным человеком, оставшимся рядом с ним, оказался ученик, которого он изначально не любил.

В молодости он любил подшучивать над людьми. Увидев этого ученика впервые, Цзи Цаншэн невзлюбил его и дал ему имя Чжэуа, и тот действительно стал... специалистом по срыванию цветов.

<http://bllate.org/book/17680/1648218>